

*Моему редакционному совету:
Рени, моей жене и неофициальному редактору,
моим сестрам Бет Брайент и Уэнди Гришэм;
моей теще Либ Джонс и моему другу
и помощнику Биллу Балларду.*

ГЛАВА 1

Он казался слишком немощным, чтобы устроить такой хаос. Однако то, что он видел за окном внизу, во многом происходило по его вине. И это было великолепно! В возрасте девяноста одного года он был парализован, прикован к инвалидной коляске и не мог обходиться без кислорода. Второй удар, случившийся с ним семь лет назад, чуть было не прикончил его, но, несмотря ни на что, Абрахам Розенберг был жив и даже с трубками в носу мог заткнуть за пояс любого из остальных восьми судей. Он был последним из могикан в суде, и сам факт его существования приводил в ярость толпу внизу.

Абрахам сидел в маленькой инвалидной коляске в кабинете на главном этаже здания Верховного суда. Шум усилился, и он подался вперед, вплотную прильнув к окну. Судья ненавидел полицейских, однако вид плотных рядов блюстителей порядка действовал на него успокаивающе. Они уверенно сдерживали пятидесятитысячную толпу, жаждавшую крови.

— Невиданная толпа! — прокричал Розенберг, укаывая за окно. Он был почти глух. Его старший помощник Джейсон Клайн стоял сзади. Был первый понедельник октября — день открытия очередной сессии суда, традиционно ставший днем празднования Первой поправки. Славного празднования. Розенберг был взволнован. Для него свобода слова означала свободу бунта.

— Индейцы пришли? — спросил он громко.
Джейсон Клайн наклонился к его правому уху:

— Да!

— В боевой раскраске?

— Да! В полном боевом облачении.

— Они танцуют?

— Да!

Индейцы, чернокожие, белые, метисы, мулаты, женщины, представители сексуальных меньшинств, «зеленые», христиане, активисты движения против абортов, нацисты, атеисты, охотники, защитники животных, белые и черные расисты, лесорубы, фермеры — это было огромное море протеста. Полиция готовилась приступить к делу.

— Индейцы должны любить меня!

— Я уверен в этом, — согласился Клайн и улыбнулся дряхлому старикашке, сжимавшему кулаки. Взгляды Розенберга были просты: правительство над бизнесом, личность над правительством, а над всем этим — окружающая среда и индейцы, которым следует давать все, чего им захочется.

Выкрики, молитвы, пение, причитания и вопли стали громче, и полиция плотнее сомкнула свои ряды. Толпа была больше и агрессивнее, чем в предыдущие годы. В последнее время обстановка в обществе накалилась. Преступность стала обычным явлением. В клиниках, где делались аборты, все чаще раздавались взрывы. На врачей нападали и зверски избивали. Один из них был убит в Пенсаколе. Заткнув рот и скрутив его до внутриутробного положения, преступники сожгли врача кислотой. Уличные потасовки происходили каждую неделю. Церкви и священники подвергались надругательствам и оскорблениям. Белые расисты действовали в составе десятка известных и тайных полувоенных организаций. Их нападения на чернокожих и латиноамериканцев становились все более дерзкими. Ненависть захлестнула Америку.

И Верховный суд, безусловно, был ее главным объектом. Число угроз судьям, а в расчет принимались только серьезные, увеличилось по сравнению с 1990 годом в десятки раз. Численность полицейской охраны Верховного суда была утроена. К каждому судье приставили не менее двух агентов ФБР. С полсотни других занимались расследованием угроз.

— Они ненавидят меня, не так ли? — громко спросил судья, уставившись в окно.

— Некоторые — да, — ответил Клайн, оживившись.

Розенберг был рад слышать это. Он усмехнулся и глубоко вздохнул. Восемьдесят процентов угроз было адресовано ему.

— Видишь какие-нибудь из таких плакатов? — спросил он, поскольку был почти слеп.

— Всего несколько.

— Что на них написано?

— Как обычно. «Смерть Розенбергу». «Розенберга в отставку». «Перекрыть кислород».

— Они размахивают этими чертовыми плакатами уже несколько лет. Почему бы им не придумать что-нибудь новенькое?

Помощник ничего не ответил. Эйбу уже давно следовало уйти в отставку, но, судя по всему, его вынесут отсюда на носилках. Основную часть работы по изучению дел выполняли три его помощника, однако Розенберг всякий раз настаивал на включении своего собственного мнения. Он делал это жирным фломастером, выводя каракули, как первоклассник, обучающийся письму. Работа продвигалась медленно, но он не беспокоился о времени, поскольку пост принадлежал ему пожизненно. Помощники проверяли его заключения и редко находили ошибку.

Розенберг хихикнул:

— Нам следовало бы отдать Рэнниена на съедение индейцам.

Главным судьей был Джон Рэнниен, твердолобый консерватор, назначенный республиканцами и вызывающий ненависть у индейцев и большинства других национальных меньшинств. Семеро из девяти судей были назначены президентами-республиканцами. Пятнадцать лет Розенберг ждал, когда в Белом доме появится демократ. Он хотел уйти со службы и нуждался в этом, однако не мог примириться с мыслью о том, что какой-нибудь правый, вроде Рэнниена, займет его любимое место.

А ждать он мог. Он мог сидеть здесь в своей инвалидной коляске, дышать кислородом и защищать индейцев, чернокожих, женщин, бедных и окружающую среду до тех пор, пока ему не исполнится сто пять лет. И ни один человек в мире не мог ничего поделать с этим, разве что убить его. А это было бы не так уж и плохо. Великий судья клюнул носом и уронил голову на плечо. Он вновь заснул. Клайн тихо отошел и вернулся в библиотеку. Он возвратится через полчаса проверить кислород и дать Эйбу его таблетки.

Офис Главного судьи находится на этаже высших должностных лиц, он просторнее и изысканнее в своем оформлении, чем у остальных восьми судей. Его первый зал используется для небольших приемов и официальных собраний, во втором кабинете работает Главный.

Дверь в кабинет была закрыта. За ней находились Главный с тремя своими помощниками, капитан полиции Верховного суда, три агента ФБР и заместитель директора бюро Льюис К. О. В кабинете царил напряженная атмосфера. Собравшиеся старались не обращать внимания на шум, доносившийся с улицы. Это давалось им с трудом. Главный и Льюис обсуждали последнюю серию угроз, остальные внимательно слушали. Помощники вели записи.

За последние шесть дней бюро зарегистрировало рекордное число угроз, превысившее две

сотни. Это был обычный набор посланий, угрожавших взорвать суд, однако во многих назывались конкретные имена, дела и случаи.

Рэнниен не скрывал своей обеспокоенности. Из секретной сводки ФБР он зачитывал имена лиц и названия организаций, от которых могли исходить угрозы: ку-клукс-клан, нацисты, палестинцы, черные сепаратисты, гомофобы. Даже ИРА. Казалось, что этот перечень включал всех, кроме членов клуба «Ротари» и бойскаутов. Ближневосточная группировка, за которой стоит Иран, выступила с угрозой пролить кровь на американской земле в отместку за смерть двух министров юстиции в Тегеране, хотя абсолютно никаких свидетельств того, что эти убийства связаны с США, не существовало. Новое террористическое формирование, получившее известность в стране под названием «Подпольная армия», совершило убийство федерального судьи в Техасе, подложив бомбу в автомобиль. Никто не был арестован, хотя «Подпольная армия» заявила о своей причастности. Она фигурировала также в качестве основного подозреваемого в десятке дел о взрывах, однако веские улики о ее причастности отсутствовали.

— Как насчет пуэрториканских террористов? — спросил Рэнниен, не отрывая взгляда от бумаг.

— Слабоваты. Мы об этом не беспокоимся, — ответил Льюис не задумываясь. — Они угрожают уже двадцать лет.

— Так, может быть, пора и им предпринять что-нибудь? Обстановка вполне подходящая, как ты думаешь?

— Забудь о пуэрториканцах, Главный.

Рэнниен любил, когда его называли Главным. Не Главным судьей или господином Главным судьей, а просто Главным.

— Они угрожают просто потому, что все так делают.

— Очень забавно, — сказал Главный без тени улыбки, — очень забавно.

— Мне бы очень не хотелось, чтобы какая-то группа выпала из поля зрения. — Рэнниен бросил сводку на стол и потер виски. — Поговорим о мерах безопасности. — Он закрыл глаза.

Льюис положил свой экземпляр сводки на стол Главного.

— Директор считает, что нам следует приставить по четыре агента к каждому судье по меньшей мере на три ближайших месяца. По дороге на службу и со службы за ними должны следовать машины сопровождения. Страховать их и обеспечивать безопасность в этом здании будет полиция Верховного суда.

— Как насчет поездок?

— Пока от них лучше отказаться. Директор считает, что судьям следует оставаться в пределах федерального округа Колумбия до конца года.

— Кто из вас ненормальный, ты или он? Стоит мне только обратиться к коллегам с такой просьбой, как все они сегодня же вечером уедут из города на весь следующий месяц. Это абсурд, — Рэнниен хмуро глянул на своих помощников, которые неодобрительно качали головами, — действительно абсурд.

Льюис безмолвствовал. Он ожидал этого.

— Как хотите. Это всего лишь предложение.

— Глупое предложение.

— Директор не рассчитывал на взаимопонимание с вашей стороны в этом вопросе. Однако он надеется, что его будут заранее уведомлять обо всех поездках, чтобы можно было принять меры безопасности.

— Имеется в виду, что вы собираетесь сопровождать каждого из судей всякий раз, когда он будет покидать город?

— Да, Главный. Таков наш план.

— Ничего из этого не получится. Эти люди не привыкли, чтобы с ними нянчились.

— Получится, сэр. Ведь они не привыкли и к тому, чтобы на них охотились. Мы лишь пытаемся защитить вас и ваших коллег, сэр. Безусловно, никто не говорит, что нам нечего делать. Я так понимаю, сэр, что это вы нас позвали. Мы можем уйти, если хотите.

Рэнниен подался в своем кресле вперед и занимался скрепкой для бумаг, разгибая и тщательно расправляя ее.

— Что вы скажете о самом здании суда?

Льюис облегченно вздохнул и едва сдержал улыбку.

— Оно не вызывает у нас опасений, Главный. В нем легко осуществить меры безопасности. Мы не ожидаем здесь неприятностей.

— Тогда где же?

Льюис кивнул на окно. Шум увеличивался.

— Где-нибудь там. Улицы полны идиотов, маньяков и фанатиков.

— И все они ненавидят нас.

— Это очевидно. Послушайте, Главный, мы очень беспокоимся за судью Розенберга. Он по-прежнему отказывается впускать наших людей в свой дом, заставляя их просиживать ночи напролет в автомобиле на улице. Он позволяет своему любимчику из полиции Верховного суда — как его зовут? — Фергюсону — сидеть у задней двери, снаружи, и то только с десяти вечера и до шести утра. В доме не бывает никого, кроме судьи Розенберга и его медика. Его дом не безопасен.

Рэнниен ковырял скрепкой под ногтями и едва заметно улыбался. Смерть Розенберга, какой бы она ни была, принесла бы только облегчение. Нет, она стала бы замечательным событием. Главному пришлось бы облачиться в траурное одеяние и произнести над гробом хвалебную речь, но, оказавшись за закрытыми дверями, он бы похихикал по этому поводу вместе со своими помощниками. Рэнниену нравилась такая мысль.

— Что вы предлагаете? — спросил он.

— Вы можете поговорить с ним?

— Я пытался. Я объяснял ему, что его ненавидят в Америке, вероятно, больше всех, что миллионы людей проклинают его каждый день и большинство из них предпочло бы видеть его мертвым, а его почта с угрозами в четыре раза больше, чем у всех нас, вместе взятых, и что он может стать легкой добычей убийцы.

— И что же? — отозвался Льюис после непродолжительного молчания.

— Велел мне поцеловать его в зад, а потом заснул.

Судебные исполнители сдержанно хмыкнули, а затем, поняв, что юмор здесь допускается, засмеялись и агенты ФБР.

— Так как же мы действуем? — спросил Льюис невозмутимо.

— Вы охраняете его как только можете. Запишите это и не беспокойтесь. Он не боится ничего, даже смерти, и если он не потеет от этого, то почему это должны делать мы?

— Потеет директор, поэтому потею и я, Главный. Все очень просто. Если с одним из вас, ребята, что-то случится, то не поздоровится и ФБР.

Главный резко качнулся в кресле. Доносившийся с улицы гвалт действовал на нервы. Соплевание затянулось.

— Забудьте о Розенберге. Он, возможно, умрет во сне. Меня больше волнует Джейнсен.

— Джейнсен — это проблема, — заметил Льюис, шурша страницами.

— Я знаю об этом, — медленно произнес Рэнниен, — он постоянно ставит нас в неловкое положение. То он мнит себя либералом и голосует в половине случаев, как Розенберг, то становится белым расистом и выступает за раздельное обучение в школах. Затем он может вспылать чувствами к индейцам и захочет от-

12   руках слабоумного ребенка.

— Вы знаете, что он лечится от депрессии?

— Знаю, знаю. Он мне все рассказывает. Я для него как отец родной. Что из наркотиков он принимает?

— Прозак.

Главный ковырял под ногтями.

— Что насчет того тренера по аэробике? Он все еще путается с ней?

— Нет, Главный. Я не думаю, что он интересуется женщинами.

Льюис светился самодовольством. ФБР было известно кое-что другое. Взглянув на одного из своих агентов, он убедился в этом.

Рэнниен сделал вид, что не слышит его.

— Джейнсен сотрудничает с вами?

— Конечно, нет. Во многих отношениях он хуже Розенберга. Он позволяет следовать за ним до дома, в котором находится его квартира, а затем заставляет нас торчать на стоянке всю ночь. Он живет на седьмом этаже, запомните это. Мы не можем находиться даже в вестибюле. Это, по его словам, устраивает соседей. Поэтому мы сидим в автомобиле. Существует десяток способов, чтобы войти в здание и выйти из него незамеченным, и это затрудняет охрану судьи. Он любит играть в прятки и все время тайком ускользает от нас, так что мы никогда не знаем, дома он или нет. Мы по крайней мере знаем, где Розенберг находится ночью. С Джейнсенем это невозможно.

— Великолепно. Если вы не можете уследить за ним, то как это сделает убийца?

Льюис не уловил юмора в сказанной фразе.

— Директор очень обеспокоен безопасностью судьи Джейнсена.

— Он не получает столько угроз, сколько другие.

— Шестой по количеству, сразу за вами, ваша честь.

— О! Так я на пятом месте?

— Да, сразу после судьи Маннинга. Он, кстати, с нами сотрудничает в полной мере.

— Он боится собственной тени, — сказал Главный, но затем добавил: — Мне бы не следовало говорить это. Я сожалею.

Льюис пропустил это мимо ушей.

— В действительности сотрудничество было достаточно хорошим, исключая Розенберга и Джейнсена. Судья Стоун много жалуется, но слушает нас.

— Он жалуется на всех, поэтому не принимайте это близко к сердцу.

— Куда, по вашим предположениям, ходит Джейнсен? — Льюис бросил взгляд на одного из своих агентов.

— Понятия не имеем.

Неожиданно огромная часть толпы загудела единым хором, к которому, казалось, подключились все находящиеся на улице. Главный не мог не замечать этого больше. Стекла в окнах дрожали. Он встал и объявил об окончании совещания.

Кабинет судьи Джейнсена находился на втором этаже, вдали от уличного шума. Это была просторная комната, хотя и самая маленькая из девяти. Как самому молодому из девяти судей, Джейнсону повезло, что у него был свой кабинет. При назначении на должность шесть лет назад, когда ему было сорок два года, его представляли как твердого конструктивиста с глубокими консервативными взглядами, схожими во многом с воззрениями человека, выдвинувшего его. Утверждение его кандидатуры в сенате было похоже на избиение младенца. В юридическом комитете Джейнсен держался слабо, проявляя большие колебания по ключевым вопросам и получая пинки с обеих сторон. Республиканцы были смущены. Демократы предвкушали провал Джейнсена. Президент до хруста заламывал себе руки. Джейнсен был утвержден с перевесом в один неуверенный голос.

Но он добился этого поста на всю жизнь. За шесть лет он не угодил никому. Глубоко уязвленный слушаниями при назначении на должность, он поклялся найти поддержку и прочно утвердиться. Это разозлило республиканцев. Они почувствовали себя преданными, особенно когда он обнаружил в себе скрытое стремление отстаивать права уголовников. Без каких-либо идейных сомнений он быстро покинул правых, переместился к центру, а затем влево. После этого вместе с правоведами, почесывающими свои козлиные бородки, он шарахнулся назад вправо и присоединился к судье Стоуну в одном из его наиболее отвратительных противостояний, где он выступал с антифеминистских позиций. Джейнсен не увлекался женщинами. Он был глух к просителям, скептически относился к свободе слова, сочувствовал протестующим против налогообложения, боялся чернокожих, был безразличен к индейцам, суров к порнобизнесу, мягок с преступниками и довольно последователен в защите окружающей среды. И, к дальнейшему неудовольствию республиканцев, отстоявших его при утверждении на должность, Джейнсен продемонстрировал трогательную заботу о правах гомосексуалистов.

По его просьбе мерзкое дело Дьюмонда было передано ему. Рональд Дьюмонд прожил со своим напарником восемь лет. Они были счастливы, всецело преданы друг другу и были намерены делить все невзгоды жизни и дальше. Парочка даже хотела зарегистрировать свой брак, однако закон штата Огайо не допускал такого союза. Затем один из любовников подцепил СПИД и умер ужасной смертью. Рональд хотел похоронить его сам, однако тут вмешалась семья покойного и отстранила Рональда от похорон. Рональд, впавший в отчаяние, подал на семью в суд за причинение ему эмоционального и психологического ущерба. Шесть лет дело кочевало